

о современных героях вплетаются рассказы о жизнях знаменитого художника и его натурщицы. Тема двойничества уже не в первый раз встречается у Анны Матвеевой, и происходящее в «Лолотте» напоминает о предыдущем романе автора «Завидное чувство Веры Стениной», в котором также выстраиваются своеобразные отношения между героиней и ее портретом. Согласно словам самой писательницы, сказанным в одном из интервью, у каждого из нас есть двойник, по крайней мере в искусстве. Эта мысль красной нитью проходит сквозь несколько текстов Анны Матвеевой.

Так, заключительная повесть цикла объединяет в себе мотивы, которые уже встречались нам в других текстах автора: двойники, изобразительное искусство, профессия героя, даже образ Модильяни — художник упоминается и в предшествующем «Лолотте» рассказе «Немолодой и некрасивый», и в «Завидном чувстве Веры Стениной». Ну и, конечно, Париж.

«Лолотта», наверно, самая парижская история из всех. Милые подробности, описывающие жизнь Парижа на рубеже XIX и XX веков (Модильяни, охлаждающий бутылки вина в Сене, прачечные и пекарни Монмартра, строительные леса, окружающие будущую базилику Сакре-Кёр...), выстраиваются в общее изображение, но не статичное, а живое, подвижное. Чувство такое, что Париж — это тоже герой книги. У него есть своя история, свой характер; он может по-разному относиться к своим обитателям: бывает к ним добр, но бывает и жесток. Видно, что любит его автор не меньше, чем всех остальных. А может, даже больше.

Елена ФИЛАТОВА

МЕДОВЫЙ ПАРИЖ, ИЛИ АЛЛЕРГИЯ НА СЛАДКОЕ

**Мойес Д. Две встречи в Париже / Пер. с англ. О. Александровой.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.**

Карьера Джоджо Мойес (1969 г. р.) как романистки началась в 2002 году, когда в свет вышел ее первый роман «Счастливые шаги под дождем». С тех пор список книг Мойес регулярно пополняется: к 2016 году были изданы 13 романов, один из которых — «До встречи с тобой» — уже успели экранизировать. Мойес дважды удостоивалась премии Ассоциации романтических новеллистов, которая ежегодно выбирает победителя в номинации «Лучший любовный роман года».

В романтических пассажах Мойес и правда знает толк, ведь это основной инструмент автора любовных романов, ключ, открывающий дверь в страну любовных грез и переживаний. Неожиданная встреча, неловкость разговоров, доверчивый, сияющий взгляд — и вот уже в плену авторской фантазии очередная читательница, без оглядки влюбленная в главного героя. Взрослые женщины и юные девушки спешат оказаться на месте его избранницы, которая (несложно догадаться) является главной героиней романа, и вот уже, перелетая от одной строчки к другой, над страницами романа порхает не какая-нибудь эфемерная Жаклин, Анжелика или Анна-Мари, но вполне земная Маша, Алена, а может, даже и Ольга Степановна. Один из значимых постулатов любовного романа — это «эмоционально удовлетворительный и оптимистичный финал», и читательницы в своем стремлении поскорее добраться до священного «и жили они долго и счастливо» напрочь теряются в сюжетном лабиринте, где каждый новый поворот кажется подозрительно похожим на предыдущий. Но когда речь заходит о борьбе за великое чувство, возражать бессмысленно, и если нашелся в этом мире человек, который пишет о любви так, как мечтает о ней женщина, лучше позволить этой женщине спрятаться за сентиментальной картин-

кой на обложке книги, которую написала Джоджо Мойес. Однако здесь может таиться другая ловушка...

Дело в том, что фантазия Джоджо Мойес — вещь весьма сомнительного характера. С одной стороны, в книге ее явный переизбыток, потому что сюжет обеих повестей, из которых складывается книга «Две встречи в Париже», является, по сути, сказкой чистой воды. В первой части, именуемой «Медовым месяцем в Париже» (какая неожиданная локация для такого события, не правда ли?), автор повествует о двух парах, чьи судьбы разделены практически целым столетием, но так похожи друг на друга. Софи и Эдуард живут в 1912 году, он талантливый художник, она его натурщица. Он писал портреты многих женщин, он был щедр на внимание к каждой из них, но как только в его жизни появилась Софи, Эдуард понял, какой из портретов станет его любимым на всю оставшуюся жизнь... Идиллия их только еще зародившейся семейной жизни будет несколько нарушена происками предыдущей пассии любвеобильного художника, но разве это препятствие для настоящей любви?

Минует столетие, и читатель, успешно пережив невероятный скачок во времени, знакомится с другой парой — Лив и Дэвид. Лив увлечена супругом, Дэвид тоже отвечает ей взаимностью, но работа... Работа — это его всепоглощающая страсть, во имя которой он будет жертвовать их с Лив медовым месяцем. Мультимиллиардеры, которые могут помочь Дэvidу воплотить в жизнь архитектурный проект его мечты, находятся здесь, в Париже, в те же сроки, что и он со своей новоиспеченной женой... Дэвид почти жертвует своим медовым месяцем и отношениями с Лив, но тут случается волшебное, и все разрешается в пользу долгой и счастливой супружеской жизни.

Итак, казалось бы, в чем же тут авторская фантазия? Конфликты только что образовавшихся семейных пар — так это предельно жизненно, поведение мужской и женской стороны тоже не отличается особой выдумкой. Но каким же все-таки удивительным образом разрешаются эти самые конфликты, когда мужчины решительно изменяют своей натуре. Нелепыми на этом фоне оказываются и разочарованные своими мужьями женщины, у которых якобы спадает пелена с глаз. Что Софи, что Лив уже практически решают распрощаться со своими любовями, ведь разве так они представляли брак с любимым мужчиной? Но в итоге все решается в пользу любви (а может ли быть иначе в любовном романе?), все счастливы, раздор забыт. И это все — не более чем сказка, потому что нельзя так обманывать читательниц притворным счастливым концом, потому что слишком показательно поведение женщин и слишком легко прощаются со своими жизненными приоритетами мужчины — что карьерист Дэвид, что ловелас Эдуард. Потому что грешно застилать взор обычной женщины, надевая ей на глаза громоздкие шоры и заставлять ждать, что мужчины будут вести себя так в реальной жизни и любовь сможет изменить ее избранника.

Вторая повесть книги называется «Одна в Париже» и рассказывает о парижских выходных Нелл Симмонс, которые она должна была провести в компании своего парня Пита, а проводит в компании начинающего писателя Фабиана: он и официант в ресторане, в котором Нелл так стесняется обедать одна, и экскурсовод по городу, и тот, кто будит в скромной англичанке бескомпромиссную француженку... Какие невероятные метаморфозы, и все это происходит за один вечер, чудеса, да и только. А если еще вспомнить, как удачно им удалось не разминуться возле одного из баров, куда Нелл отправилась на поиски своего нового знакомого, то можно увидеть, как по ночному городу стайками летят феи верхом на бабочках.

Люди часто удивляются сами себе после каких-либо произошедших с ними событий, и вполне вероятно, что это как раз случай Нелл с ее внезапной безбашен-

ностью, но ее удивительную везучесть этим не оправдаешь, снова в игру вступает фантазия госпожи Мойес. С какой же легкостью герои справляются с препятствиями, возникшими на их пути, все настолько благоволит их действиям, что невольно — хотя, что скрывать, очень даже вольно и целенаправленно — хочется воскликнуть: да разбавьте уже шепоткой драмы всю эту идиллию! Или навяжите побольше сюжетных узлов, чтобы дорога до станции «Хеппи-энд» была не просто прямой линией, делящей надвое поле из ромашек. Все слишком предсказуемо и банально, и вот в этом-то и заключается основная проблема фантазии Джоджо Мойес — в ее отсутствии. Никто не требует фантазий уровня параллельных миров от автора любовных романов, но и сюжет, который легко предугадать, не делает ему большой чести. Быть может, кто-то захочет возразить и скажет, что все эти завышенные требования к развитию сюжетной линии — веяния современности, где каждый своей задумкой стремится перещеголять другого... Но даже если это и так, то нужно соответствовать времени.

Книга Джоджо Мойес удивительна в своем маскарадном костюме. Вот она, иллюзия жизнеподобия: и медовый месяц-то может быть не идеальным, и супружеская жизнь может начаться с упреков и обид, и Париж — вовсе не залог того, что выходные подарят массу незабываемых впечатлений... Или все-таки залог? Реальное отображение действительности отходит на второй план, картонные фигурки еле шевелятся на фоне кукольных домиков. Здесь все настолько замкнуто, что никакой легчайший порыв ветра не сдует шапки с головы героини, не заставит ее обернуться и посмотреть на окружающую обстановку под другим углом. Не будет этой возможности и у читательницы, которая, захлопнув книжку после прочтения, воскликнет: «Почему в моей жизни нет такой же любви, такого же мужчины, который изменится ради меня, ради нашей любви!» Журнал «Marie Claire» — если верить обложке книги — назвал творение Мойес «задевающей за живое, смешной и грустной книгой», и если автор этого высказывания в чем-то прав, так это в том, что становится до грустного смешно, когда любовный роман задает стереотипы поведения, воплощения которых женщина ждет от своего мужчины. Но жизнь не похожа на любовный роман, воплотить свои фантазии в жизнь редко удается, разочарованная женщина снова возвращается к книге, задается вопросом, почему в ее жизни все не так, вздыхает по очередному Жану или Диэго и не понимает, что дотронься она до своих кумиров, на пальцах останется лишь позолота.

Кто-то сказал, что наши представления о том, как все должно быть, мешают нам наслаждаться тем, как все есть, и эта фраза должна быть эпиграфом к каждому любовному роману. Может быть, стоит поменять жанровое определение, и все сразу станет на свои места? «Две встречи в Париже» — сказка. Но и тут все не так просто, потому что «сказка — ложь, да в ней намек, «добрым молодцам урок», а в этой книге нет никаких намеков, да и добрые молодцы не прочитают это произведение. Просто автор книги преследовал другую цель, возразит знаток литературной концепции Джоджо Мойес, но в чем же она тогда заключается? Дело в том, что несчастным в любви женщинам эту книгу читать противопоказано, а счастливым — незачем, но именно первая категория чаще всего является основной читательской аудиторией таких вещей. Какой же тогда литературный девиз должен быть у Мойес — толкни падающего, добей лежачего? Или, быть может, все эти книги изначально были предназначены для мужчин как руководство по обращению с женщинами? Тогда бы это многое объясняло.

Это написано красиво, это написано с душой влюбленной женщины. «Медовый месяц в Париже» — это еще и предыстория к событиям, которые разворачиваются в книге Мойес «Девушка, которую ты покинул». Быть может, в этом произведении

и расцветет пышным цветом все то, чему не удалось пустить корни в парижской истории, но стремления проверить свое предположение отчего-то нет.

Елизавета ПАПУТКОВА